

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Марии Борисовны Коношенко «Лично-числовое согласование в языках манде: внутригенетическая типология», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»

Диссертация Марии Борисовны Коношенко "Лично-числовое согласование в языках манде: внутригенетическая типология" представляет собой фундаментальное лингвистическое исследование, в котором сочетаются два важных аспекта лингвистического анализа: введение в научный оборот нового уникального материала, том числе, собранного в ходе полевой работы самим автором, и глубокий уровень его теоретического осмысления. Подобное сочетание делает исследование М.Б.Коношенко актуальным как для лингвистической типологии, так и для африканского языкознания. Представляется важным отметить, что данная работа вписывается в контекст масштабной работы по описанию и анализу языков манде в ходе лингвистических экспедиций в Западную Африку, проводимых группой лингвистов под руководством В.Ф.Выдрина начиная с 2000 года. Данный проект вывел изучение этой языковой семьи на совершенно новый уровень, и диссертация М.Б.Коношенко является важным этапом в его осуществлении. «Встроенность» диссертанта в этот научный проект позволяет ему оперировать материалом многих языков манде с очень высокой степенью компетентности. При этом уровень теоретической подготовки Марии Борисовны выводит ее работу за рамки только мандеистики. Я бы даже рискнул назвать ее диссертацию модельным образцом внутригенетического типологического исследования. Аргументом в пользу подобного определения является исчерпывающая, на мой взгляд, многомерность анализа и привлеченных параметров на фоне прекрасного владения материалом. В принципе внутригенетическая типология представляется весьма перспективной. Она позволяет рассматривать типологические явления в динамике и является одной из разновидностей "Почему-типологии", приходящей на смену "Как-

типологии" в терминологии А.Е.Кибрика (Кибрик 1983). Причем полнота охвата материала и исчерпывающая многомерность параметров, возможная при таком подходе, может быть сравнима со ступенчатой реконструкцией в компаративистике, предшествующей выводам о более дальнем родстве.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, двух приложений, списка сокращений и списка использованной литературы. Библиография насчитывает более 200 работ отечественных и зарубежных авторов и представляется полной и репрезентативной.

Во Введении обосновывается выбор объекта исследования, определяется актуальность и научная новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость, излагаются цели, задачи и методы исследования, а также положения, выносимые на защиту. В Главе 1 представлены теоретические и методологические основания исследования, а также представлена вводная информация о языках манде и об источниках, использованных в диссертации. В Главе 2 приведена фактическая информация о лично-числовом согласовании в языках манде — анализируются основные типы прономиналов (лично-числовых показателей) в языках манде, области и мишени согласования. Глава 3 посвящена морфологическому и синтаксическому анализу согласовательных конструкций в языках манде. В Главе 4 описываются дополнительные ограничения на согласование в конкретных синтаксических контекстах, а также обсуждаются исторические аспекты становления согласования в языках манде. В Заключении подводятся итоги исследования.

Следует отметить, что сама постановка вопроса о согласовании в языках манде является совсем не тривиальной. Языки манде обладают высокой степенью аналитизма, которая не предполагает таких категорий как согласование. Поэтому постановка вопроса, вынесенного в заглавие работы, является инновационной. При этом автору удастся убедительно доказать, что в рамках применяемого ей подхода, который вполне вписывается в разнообразие существующих взглядов на согласование, очень компактно, но полно, представленных ею в первой главе, подобная постановка проблемы

совершенно оправданна. Действительно, сильная степень аналитизма сопровождается во многих языках весьма сложными фузионными процессами и "вертикальной" морфологией. В своей первой публикации по языку гбан я в заглавии использовал характеристику "суперфлективность в аналитическом языке".

Категория согласования относится к разряду весьма проблемных и активно дискутируемых категорий. При этом теоретический обзор, представленный в работе, и дальнейшее представление материала собственно языков манде, ставят диссертацию М.Б.Коношенко в очень достойный ряд работ по этой тематике, а по комплексности анализируемых параметров — различные типы прономинальных показателей (анафора, реприза, собственно местоимение, связанные согласователи), морфосинтаксический статус прономиналов, свойства контролера (референциальный статус, число) и мишени (тип конструкции, наличие и тип служебного слова, степень фузии с ним), ограничения на согласование, диахронное объяснение возникновения согласования в языках манде — данная работа открывает новые перспективы в этой тематике. Интересно, что анализ согласования в языках манде, для которых само наличие этой категории не очевидно и долгое время не фиксировалось, может оказать позитивное влияние и для изучения классических языков с согласованием. Большое количество проблем, связанных с этой категорией видно и по представленному в диссертации анализу языков манде, но, в то же время, например, из-за отсутствия именной классификации, активно влияющей на согласование, языки манде представляют собой "чистый" случай именно лично-числового согласования, что позволяет более отчетливо увидеть механизмы его организации, без дополнительных "шумов" и с большей степенью структурированности. Исходя из этого, работа М.Б. Коношенко представляет собой не просто исчерпывающий анализ согласования и, шире, прономинального морфосинтаксиса в языках манде, но и является серьезным вкладом в общую типологию прономиналов и явления согласования. Сам термин "прономинал",

кстати, представляется удачной находкой — по крайней мере, он более удачен чем используемый мной термин "носители прономинальной семантики" (Желтов 2011). Впрочем, несмотря на это и на не самый красивый стиль оппонирования в форме замечания автору о неиспользовании работ оппонента, все же упомяну, что в двух небольших и существенно менее полных по охвату явлений и представлению материала статьях 2011 года мною делалась попытка типологизации средств прономинальности различного синтаксического статуса с опорой на материал языков манде, отличная от бинарного противопоставления местоимений и местоименно-предикативных показателей у В.Ф. Выдрина. Хотя я не пользовался термином "согласование" для прономинальных систем манде, но по выбранным мной параметрам морфосинтаксические характеристики МПП в гбан полностью совпали с соответствующими характеристиками личных аффиксов в латыни, что хорошо коррелирует с их трактовкой как согласование в данной диссертации.

В целом можно со всей уверенностью сказать, что диссертационное исследование М.Б. Коношенко не только исключительно подробное и теоретически практически безупречное описание (и, наверное, открытие) согласования в языках манде, но и важный шаг в теоретическом осмыслении категории согласования и типов прономиналов. Хочется также отметить, что диссертацию М.Б.Коношенко очень интересно читать, и я, например, с удовольствием бы сделал это, даже если бы необходимость прочтения не была детерминирована статусом официального оппонента. Далее все же, следуя законам жанра, остановимся на нескольких дискуссионных моментах или вопросах.

Долгое вчитывание во фразы: "В данной работе мы будем различать два вида мишеней: морфологическую и синтаксическую мишень согласования. Морфологическая мишень согласования — словоформа, непосредственно дублирующая грамматические признаки контролера. Синтаксическая мишень согласования — это минимальная синтаксическая составляющая, внутри

которой имеется дублирование грамматических характеристик контролера, но в которую не входит контролер" (с.10-11), — и: "... согласование определяется как уподобление грамматических характеристик мишени грамматическим характеристикам контролера. Далее мы предложили различать два типа мишеней — морфологическую и синтаксическую. Когда говорят о согласовании, подразумевают аффиксальное дублирование граммем контролера в словоформе-мишени, то есть предполагается, что согласовательные показатели входят в состав словоформы-мишени. В таких случаях речь идет именно о морфологической мишени. Синтаксическая мишень — это минимальная составляющая, куда входит словоформа-мишень, но не контролер согласования" (с.19), — так и не позволило отчетливо понять отличие морфологической мишени от синтаксической.

Не могу согласиться с трактовкой примера из чичева: "В примере (13) прямое дополнение *alenje* 2 класса находится внутри клаузы, и на глаголе нет объектного префикса. Однако объектный префикс 2 класса *-wá-* обязателен, если прямое дополнение вынесено за границу клаузы, как показано в примере (14). Таким образом, имея в виду перспективу анализа лично-числовых маркеров в различных синтаксических позициях, удобнее различать анафорические и «собственно согласовательные» употребления" (с. 16) С последней фразой я совершенно согласен, но объект в примере 14 не вынесен за границы клаузы. Тогда это или согласование, или местоименная реприза с типологическими параллелями в испанском (см. с. 55). Я не знаю язык чичева, но абсолютно аналогичные примеры из суахили я бы трактовал как различие в референциальном статусе объекта: 13 — "общая истина" — "пчелы кусают охотников" (такова жизнь), 14 — "пчелы кусают (конкретных) охотников".

Не представляется бесспорным и утверждение: "Однако если учитывать дискурсивное поведение лично-числовых показателей в языках такого типа, то окажется, что в текстах в подавляющем большинстве случаев лично-числовые показатели выступают именно в анафорической функции, то есть без

локального контролера, и гораздо реже — с локальным контролером (с. 16-17). Опыт работы с языками банту показывает, что при любой смене референции локальный контролер появляется. А для объекта (более рематического или фокализованного элемента высказывания) он появляется еще чаще.

Возник также вопрос, почему на с. 21 согласование в поссессивах трактуется как внешнее — это ведь тоже элемент именной группы: папина книга — книга папы?

С. 24 — "Термин «личное местоимение» в работе используется для подклассов прономиналов, которые находятся в дополнительной дистрибуции с полными именными группами и/или являются клитиками...". До слов и/или все понятно, но с ними — нет (с. 24).

С. 25 — "Аналогичная классификация прономинальных показателей, соответствующая трем степеням их грамматикализации и описанная на материале различных африканских языков, представлена в работе [Creissels 2005b]". Не совсем аналогичная — все же Крессельс предлагал свою классификацию только для аффиксов.

С. 39 — "Как будет показано в диссертации, распространение лично-числового согласования в манде в значительной степени детерминировано генетической принадлежностью языка: в том или ином виде оно наблюдается в языках юго-западной, южной и восточной групп и отсутствует в языках других групп, если не считать согласования в сочиненной группе в коранко(<моколе)..." — даже если не считать коранко (только из-за ограниченности согласования одним типом конструкций?), юго-западные, восточные и южные — это три разные ветви. (см. с.38), тогда в чем генетическая детерминированность? Больше похоже на ареальное распространение, что подтверждается дальнейшим изложением.

Проблемы глоссирования на с. 46 — если грамматический тон выступает в комбинации с другими морфемами, то почему его не интерпретировать как циркумфикс/трансфикс вместо странного семантически глоссирования L?

С. 60 — "Анафорическое прямое дополнение в динамической конструкции (59), а также анафорическое подлежащее стативной конструкции (63) кодируются прономиналом, который в 3 л. ед. ч. реализуется как начальное чередование согласного с низким тоном на первом слоге глагола" (подчеркивание мое — А.Ж.). Видимо, имеется в виду чередование начального согласного по глухости/звонкости и чередование низкого и высокого тонов в начальном слоге. Это вытекает из анализа примеров, но не из данного текста.

Трактовка динамических и статических конструкций с различной морфосинтаксической маркировкой ролей в кпелле как расщепленной эргативности, наверное, имеет право на существование, но обычно под этим термином понимается расщепленность по различным временным формам или по различному статусу актантов в иерархии одушевленности. Совпадение же морфосинтаксических характеристик субъекта стативного непереходного глагола и объекта динамического глагола я бы трактовал как особый активный (активно-стативный) тип ролевого маркирования — см. работы Г.А.Климова (Климов 1977, 1983) и А.Е.Кибрика (Кибрик 1992). А вот в лоома (с.61) примеры (64)-(65) показывают как раз действительно эргативный тип маркировки, правда, приведенные примеры не дают возможности увидеть постулируемый для объекта и подлежащего непереходного глагола префикс — при некотором напряжении можно предположить наличие чередования по глухости/звонкости, как в кпелле, но без изменения тона. Правда, примеры (66)-(67) данную гипотезу не подтверждают — там противопоставляется лабиовелярный кр при наличии согласования и имплозивный □ — при отсутствии.

С. 68 — "Согласование предикативных показателей широко представлено в либерийском кпелле, коно, менде, локо, банди, гвинейском и

либерийском лоома, зиало(< юго-западные); дан-гуэта, кла-дан, мано, гбан, бен (< южные); боко, кянга, южном сан (< восточные), а также в единичных контекстах в тура, юрэ, гбан (?) (< южные) и бокобару (< восточные)". Таким образом, остается непонятным, представлено ли согласование в гбан широко или в единичных контекстах?

Остается неясным, что является в гвинейском кпелле показателем 3 лица единственного числа для посессивных конструкций с терминами родства: для "его нога" — это, видимо, чередование и тон, как можно догадаться из примеров с субъектными местоимениями, а вот для Náj "его отец", где нет контрастных примеров, это не понятно (с. 69).

В принципе, как показывают примеры, для кпелле надо выделять не одну, а две оппозиции внутри посессивных конструкций именной группы: помимо отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности, маркированной во втором случае слитной формой местоимения с именем в анафорическом контексте, еще и противопоставление аутосемантических и реляционных имен, которые требуют согласования и при наличии именной группы посессора.

Очень интересно явление представляет собой согласование с послелогом (примеры 85, 86 на с. 72). Аналогичное явление, только для предлогов и с суффиксальным согласованием, я обнаружил в одном из языков другой западноафриканской семьи адамауа — в языке майа. Только вряд ли можно согласиться с фразой: "После именной группы в единственном числе послелог всегда стоит в исходной форме", — пример 88 и дальнейший комментарий это опровергает, так как в анафорическом контексте местоимение послелог ассимилирует (или ассимилируется предлогом).

Аргументируемая в 3 главе трактовка морфем-портманто как форм лишенных лексической составляющей выглядит логически последовательной, но было бы желательно привести какие-нибудь типологические примеры подобных форм где-нибудь еще — все же "традиционные взгляды", выражаемые приведенной на с. 103 формулой "словоформа может состоять только из корня, но не может состоять только из аффиксов" со ссылкой на

В.А.Плунгяна, И.А.Мельчука и В.Ф.Выдрина достаточно сильны и подтверждены материалом многих языков. Неслучайно раздел заканчивается фразой: "Таким образом, при анализе портманто-морфем разумнее, во-первых, придерживаться словесно-парадигматической модели и отказаться от морфологической сегментации обсуждаемых единиц, а во-вторых, признать, что эти единицы изменяются по лицу и числу, а также по предикативным категориям", — которая порождает вопрос, какие же "единицы" изменяются. То есть мы отказываемся от трактовки предикативного элемента как лексического из-за проблем с его сегментацией, но выделяем в качестве носителя согласования единицу, не имеющую сегмента, отличного от согласователя. Аргументация против идеи В.Ф. Выдрина считать лексическим элементом лично-числовой выглядит логичной, хотя трактовка форм-портманто как прономинальной репризы с фузионной связью с предикативными показателями также представляется допустимой. Кроме того, интерпретация в качестве лексического элемента предикативной составляющей портманто вряд ли может быть полностью отвергнута из-за краткости ее сегментной базы (например, русский корень в слове "по-й-ти" или еще более яркий пример "вынуть" с нулевым лексическим корнем), тем более что сам автор очень наглядно показывает естественные процессы, приводящие к подобному сегментному сокращению предикативных показателей в манде.

Интересным представляется пример (171) на с. 123, который принципиально отличается от всех остальных примеров согласования, приведенных в работе: мишенью согласования ассоциативной группы является сам глагол, а не форма портманто, что противоречит фразе "Как было показано выше в Главах 1 и 2, типологическая особенность согласования в языках манде состоит в том, что морфологическими мишенями в этих языках являются не знаменательные слова (глаголы, имена существительные), а служебные — предикативные, посессивные показатели и др." (с.146).

Утверждение на с. 150: "С диахронической точки зрения, производная серия во всех таких языках представляет собой субъектные местоимения, а производные серии возникли в результате фузии между субъектными местоимениями и полноценными предикативными показателями", — видимо, верно для производных субъектных серий и в случае совпадения базовой субъектной серии с объектной. В противном случае в качестве производной логично было бы ожидать объектную серию, которая не образует портманто и не склонна к согласованию (только местоименная реприза в бен). Альтернативная гипотеза о первичной форме местоимений была представлена в моем докладе на 3 Конгрессе по языкам манде и в моей статье в фestsрифте, посвященном В.Ф. Выдрину (Желтов 2011).

Хочется поблагодарить автора за приложение — компактное представление всех релевантных примеров, действительно, очень удобно. Если бы провозглашенный на с. 183 принцип: "Мишени согласования в примерах ниже выделены полужирным шрифтом", — действительно соблюдался, работа с примерами была бы еще более удобной. В принципе, было бы удобно распространить его же и на примеры в тексте, а также, помимо выделения мишени полужирным шрифтом, неплохо бы выделять и контролера, например, курсивом. Отсутствие этого не критично, но при подобном оформлении читатель сэкономил бы время.

Кроме того, поскольку я, хотя и довольно давно, работал с материалом языка гбан, представляется возможным добавить к анализируемым явлениям некоторые факты этого языка, которые не обсуждаются в диссертации, но имеют отношение к ее теме (Желтов 2002, 2008). Формы-портманто в гбан образуются не только с предикативными показателями, но и при контакте с любым прономинальным элементом в постпозиции (объектом и прономинальным посессором). Во втором случае это создает контекст, по крайней мере, похожий на согласование. Также в гбан в презенсе наблюдается своеобразное тональное квази-согласование, мишенью которого является

лексически значимый глагол, а контролером именная группа субъекта при непереходном глаголе и объекта — при переходном (сравни эргативную стратегию согласования в лоома и активную в кпелле). Непереходный глагол принимает тон соответствующего субъектного местоимения 1 серии (низкий — при субъекте-нелокуторе, средненизкий — при субъекте-локуторе), либо тон показателя *ke* при отрицании и в условных предложениях. При переходных глаголах с именным объектом глагол принимает тон последнего слога объектной именной группы, т.е. необязательно собственно объекта (имени или местоимения), но любого элемента именной группы, стоящего в постпозиции к имени (прилагательного, числительного и т.д.). Следует отметить, что, в отличие от глаголов в презенсе, другие части речи не меняют тон под влиянием синтаксического окружения. Однако есть одно интересное исключение: существительное *ye* “мать” меняет тон под воздействием посессивного местоимения, т.е. наблюдается тональное согласование с посессивным местоимением в роли контролера и вершиной — в качестве мишени. Это процесс, обратный описываемому в диссертации для посессивного согласования в манде.

Работа выполнена очень аккуратно и хорошо вычитана, но есть очень незначительное число опечаток, например, в легенде к таблицам на с. 88 и 95 отсутствие согласования маркируется как "0", а в самих таблицах как "-".

Библиография, приведенная в работе весьма представительна и в теоретической части, и по охвату языкового материала.

Совершенно очевидно, что перечисленные выше дискуссионные моменты не ставят под сомнение высокий научный уровень диссертации, представляющей собой серьезную работу над весьма сложным языковым материалом.

Автореферат и список публикаций по теме диссертации (в том числе 4 публикации в изданиях из рекомендованного списка ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации) полностью отражают содержание

